

ПОЭТИЧЕСКИЕ ШАЛОСТИ ДОВИДА КНУТА (ТРИ ЗАМЕТКИ)

© 2024 г. В.И. Хазан

Аннотация: Поэт-эмигрант Довид Кнут почти не известен читателю как автор шуточных эпиграмм, забавных пародий и веселых литературных проказ. Причина заключается в том, что этот свой смеховой корпус поэт не публиковал при жизни, по всей видимости, относясь к нему как к чему-то маргинальному, не заслуживающему внимания. Однако вместе с тем сохранил в своих бумагах, которые лишь недавно были обнаружены в Израиле. Озорные стихи Д. Кнута, возможно, не поднимаясь до какого-то высокого уровня комического в поэзии, тем не менее представляют несомненный интерес, поскольку, как всякая «поэзия на случай», проговариваются о каких-то небезынтесных деталях из истории эмигрантского литературного быта. В данной статье приводится три шутивно-пародических посвящения Д. Кнута своим товарищам по творческому цеху — В. Яновскому, Вс. Фохту и Ант. Ладинскому.

Ключевые слова: комический слой эмигрантской поэзии, пародирование «сакрального» и его превращение в «профанное» как часть литературного быта, смеховые трансформации поэтического слова, стихотворные шутки в виде рефлексии на «серьезные» исторические, социальные и биографические контексты.

Информация об авторе: Владимир Ильич Хазан — PhD, профессор, Еврейский университет в Иерусалиме, Маунт Скопус, 91905 г. Иерусалим, Израиль. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7937-5790>
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Для цитирования: Хазан В.И. Поэтические шалости Довида Кнута (Три заметки) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анато-

льевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 481–506.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-481-506>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

POETIC PRANKS OF DOVID KNUT (THREE NOTES)

© 2024. Vladimir I. Khazan

Abstract: The émigré poet Dovid Knut is almost unknown to the reader as an author of humorous epigrams, funny parodies and laughable literary jokes and pranks. The reason is that the poet did not publish this corpus of laughter during his lifetime, apparently, treating it as something marginal and not deserving attention. However, at the same time he kept it in his papers which were only recently discovered in Israel. These Knut's mischievous poems, perhaps, not rising to some high level of the comic in poetry, are nevertheless of undoubted interest because, like any “poetry in case”, they let out some curious details from the history of emigrant literary life. The article contains three humorously parodic dedications written by Knut to his colleagues, émigré writers and poets — V. Ianovskii, Vs. Fokht and Ant. Ladinskii.

Keywords: comic layer of émigré poetry, parodying the “sacred” and its transformation into the “profane” as part of literary life, comical modifications of the poetic word, verse jokes as a form of reflection on “serious” in historical, social and biographical contexts.

Information about the author: Vladimir I. Khazan, PhD, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus, 91905 Jerusalem, Israel.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7937-5790>

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

For citation: Khazan, V.I. “Poetic Pranks of Dovid Knut (Three Notes).” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 481–506. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-481-506>

Литературный быт первой волны русской эмиграции (1919–1939) с точки зрения места, которое занимает в нем стихотворно-смеховая стихия — пародии, эпиграммы, опыты поэтического пересмешничества и т. п., относится к малоисследованной научной области¹. Вместе с тем едва ли могут быть какие-то сомнения в том, что «трикстерный» слой является столь же важным сегментом историко-литературного процесса, как и все другие составляющие его элементы, и поэтому ни в коем случае не может быть забыт и отброшен, когда речь идет о выявлении и описании максимально адекватной картины истории русской литературы в изгнании.

Большое количество до нынешнего времени неизвестных стихотворных и прозаических текстов одного из ведущих поэтов эмиграции, Довида Кнута (собств. Давида Мироновича Фиксмана; 1900–1955), ждет своего если не издательского часа, то, во всяком случае, тщательной классификации и селекции — отделения «чистых» от «нечистых», тех, что представляют второстепенную художественную ценность (или даже не представляют никакой), от таких, каковые заслуживают известного внимания пусть не своими литературными достоинствами, а, скажем, скрытыми в них небезынтересными свидетельскими показаниями соглядатая и участника многих важных событий эмигрантской жизни, маргиналиями исторического и биографического порядка. Собственно, из этого черновикового «хлама» и приготовлены три нижеследующие заметки, поводом к которым послужили колкие выпады Д. Кнута по отношению к трем известным деятелям творческого эмигрантского цеха, его ровесникам. Поэтические шалости, о которых пойдет речь, автор явно писал без расчета на публикацию, они сохранились среди его черновых записей лишь по чистой случайности или из за бережливого инстинкта ничего не выбрасывать. И нам, по видимому, также не следует спешить отправлять их в мусорную корзину по причине недостаточно высоких поэтических качеств. Все нижеследующие тексты так или иначе принадлежат к пародийно-эпиграмматическому жанру и, с одной стороны, расширяют представление о Кнута-насмешнике и забияке, мастере острого стихотворного шаржа, удивительно органично сочетавшем в своем творчестве риторико-лирическую стилистику с едко-саркастическими интонациями,

¹ См. у Е.Р. Пономарева одну из первых попыток осмыслить эту теоретическую проблему на примере шуточно-пародийных (активно использующих obscene лексiku) стихотворений И.А. Бунина [2].

а с другой — углубляют роль и место смеховой культуры в поэзии русской беженской литературы².

1. Загадка «завитой вши». Известно, какой популярностью в эмигрантской среде пользовались литературные вечера, политические и художественные дискуссии, всевозможные годовщины, юбилеи, лекции, балы, реситали и пр., дававшие, если отвлечься от прозаической, но крайне актуальной проблемы финансового сбора, возможность поговорить, поспорить, облегчить душу, публично высказать свое «не могу молчать». Или просто послушать других, более умудренных в науках и искусствах людей. Об интеллектуально-философской жизни в эмиграции сказано и написано немало, однако к любым новым, пусть даже крохотным деталям и свидетельствам необходимо относиться с должным интересом и вниманием. Никогда не публиковавшаяся двухчастная стихотворная шутка Кнута «На философских пирах» относится именно к такого рода информационным comments интеллектуально-духовного эмигрантского быта:

НА ФИЛОСОФСКИХ ПИРАХ

1

Странные странствия и путешествия —
Истины вечные приоткрываются.
Вижу: кончается наше прошедшее,
Чую: грядущее здесь начинается.

Крайние я прилагаю старания,
Чтоб избежать мозгового крушения.
Это тебе — не бумаги марание,
Это тебе — не курьерокружение³.

² Следует заметить, что данные заметки продолжают предыдущие наблюдения автора над иронико-смеховой поэтикой в русской эмигрантской поэзии вообще и Д. Кнута в частности, см.: [5; 6; 9].

³ Один из видов деятельности, которым Кнут занимался в Париже, была служба в качестве велосипедиста-рассыльного в немецкой фирме автоматических аппаратов, см. в кнотовской автобиографической заметке, написанной для варшавского журнала «Меч»: «В настоящее время служу в качестве велосипедиста в фирме автоматических аппаратов (из всех моих занятий — самое приятное и наиболее подходящее)» [22]. В начале января 1935 г. его вместе с «трипортером» (курьерский ве-

Милостью Божьею мысли ниспосланы,
Сперто дыхание, лица встревожены,
Трудно дается сия философия,
Но без волненья внимать невозможно ей.

Я выхожу на кусочки распиленный,
Мыслью по древу своей растекаемый, —
О, как понять мне, о Боже всемилостивый,
Мир твой, умом моим непостигаемый?

2

Куда докладчика влечет,
Совсем неясно мне порою:
Ведь мысль по древу не течет —
Летит стремительной стрелою.

Вот вроде что-то уловить
Вдруг удалось в ней мал-помалу,
Но вновь теряешь мысли нить,
Мгновенье — и она пропала.

Высоких тем не обуздать,
Не подчинить своей воле,
И начинаешь понимать,
Что вырос ты бурьяном в поле⁴.

лосипед) сбил автомобиль, и он попал в госпиталь Cochen, см.: [30, с. 3]. 16 января 1935 г. Ант. Ладинский сделал в своем дневнике такую запись: «Навещал Д. Кнута в госпитале: попал под автомобиль. Кажется, все кончилось благополучно» [29, с. 121]. О произошедшем «аксиденте» Кнут, уже выйдя из госпиталя, сообщал в письме от 30 января 1935 г. В.В. Рудневу, одному из редакторов журнала «Современные записки»: «Глубокоуважаемый Вадим Викторович, отвечаю с некоторым запозданием — меня сбил с ног автомобиль, и я отлеживался в больнице» [33, с. 46]. Это событие запечатлено в автобиографическом рассказе Кнута «Нечаянный репортаж» [24]; (включен в кн.: [26, с. 60–65]).

⁴ Ср. сходное самоуничижительное замечание Кнута в его как бы двойной стихотворной реакции на автобиографическую прозу О. Мандельштама «Шум времени» и рецензионный отклик на последнюю кн. Д. Святополка-Мирского: «Рожденный у подножья Иваноса, / Не видел дальше собственного носа» (более подробно см. об этом: [8, с. 384]. Иванос — гора неподалеку от г. Оргеева (Бессарабия), в котором родился Кнут.

Когда с нездешней высоты
Слетают звездные хоралы,
На миг вдруг востепенешься ты
И испытаешь все сначала:
Невоплощенные мечты
И то, как жизнь тобой играла,
Как мысль с ней боролась вяло
И не гнушалась суеты...

...А «завитая вша» зевала...

Оставляя в стороне — до более удобного случая — сам по себе немаловажный и небезынтересный вопрос о достаточно обильной литературной цитатности кнутовских стихотворный шуток (как, например, в данном случае, прозрачное использование лермонтовского оборота «Но без волнения внимать невозможно ей»), сосредоточимся лишь на одной детали — финальной «завитой вше». Кто позволил себе равнодушно зевать во время мыслительного пира, в то время как автор сего «репортажа с места событий» и поэтического крика души одновременно по поводу своих слабых умственных сил, равно как, очевидно, и значительная часть остальных слушателей, пытается пробиться сквозь туман трансцендентных умонепостигаемостей?! Кто же она, эта загадочная зевающая «завитая вшь»?

Однако перед тем, как установить лицо, скрывающееся за этим прозвищем, еще одно существенное замечание.

Несмотря на достаточно активно разрабатываемое ныне изучение русской философской мысли в эмиграции, ощущается явный дефицит исследований о влиянии крупнейших философов, интеллектуальных вождей (Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, Г. Федотов и др.) на поколение младоземигрантов — на духовную сферу их существования, строй и образ идей и в конечном счете — на художественное творчество. По всей видимости, здесь нужны более глубокие методы исследования и одновременно более тонкие и изощренные его инструменты. Разумеется, крайне важное значение имеют и архивные разыскания, расширяющие уже накопленную фактологическую базу. Лишь один пример для иллюстрации последнего замечания.

Среди слушателей лекционных курсов Льва Шестова, которые он читал на русском факультете Сорбонны, выделялся своей активностью и в еще большей степени — загадочно-экзотической биографией, Николай Рейзини (собств. Наум Георгиевич Рейсин; 1902? 1905?–1977? 1979?), который в разные эпохи своей жизни

выступал под разными социальными масками: литератор⁵, биржевой игрок и удачливый коммерсант⁶, международный авантюрист, торговец оружием и наркотиками⁷, превратившийся в конце концов в американского миллионера. В дополнение к своим талантам Рейзини был способным имитатором-пародистом⁸. Человек, безусловно, яркий

⁵ Живя в Париже, являлся участником объединения писателей-эмигрантов «Кочевье»; рецензировал, например, 39-ю книжку «Современных записок» (Воля России. 1929. № 7. С. 106–113), участвовал в вечере устных рецензий, где говорил о романе Ю. Олеши «Зависть» (Воля России. 1929. № 8/9. С. 206). Голос Рейзини звучал в дискуссиях, проводившихся в «Studio Franko-Russe» — ежемесячных встречах русской эмигрантской и французской интеллигенции; так, 18 декабря 1929 г. он принимал участие в дебатах о Достоевском, см.: [11, р. 117, 120]. Был одним из создателей журнала «Числа» [37, с. 135]; [42, с. 155]. Ср. в дневнике Ант. Ладинского (запись от 15 июня 1932 г.): «— Почему “Числа” так странно называются? — спросил кто-то. — Потому что их задумали два нуля, Оцуп и Рейзини, — ответила Одоевцева. Рейзини ей отомстил: в газете “Сегодня” появилось “интервью” с Ирин<ой> Одоевцевой, уехавшей в Ригу к умирающему отцу. К заглавию интервью “Ир. Одоевцева о парижских людях” Р<ейзи>ни прибавил “или папаша при смерти”» [29, с. 53]; по всей видимости, имеется в виду заметка К.А. Верховского, см.: [21]].

⁶ См. небезынтересную запись о Рейзини в дневнике Ант. Ладинского (от 5 января 1932 г.), которая характеризует его как ловкого и оборотистого плута и афериста: «Был с Т<атьяной> (подруга Ладинского. — В.Х.) и с Рейзини в “Coupole”. Он собирается жениться. Кажется, это единственная возможность поправить его запутанные делишки. Но за невестой вместо ожидаемого миллиона — 100.000. Пока в счет будущего приданного он заказывает себе костюм и даже берет у того же портного деньги в долг. Интересно, чем кончится эта история. Невеста (разводка) мила, но немолода и красотой не блещет» [29, с. 24–25].

⁷ Во время Гражданской войны в Испании Рейзини, под фамилией Рейзен, занимался поставкой на греческих судах оружия генералу Франко. Его скандальное дело прогремело на всю Европу. Вот что говорилось о нем в заметке «Авантюрист Николай Рейзен»: «В течение недели в греческом парламенте обсуждалось скандальное “дело Рейзена”. Несмотря на усилия министров замаять это дело, в прениях выяснилось, что международный аферист Николай Рейзен, который во время гражданской войны в Испании поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах, а во время последней войны сотрудничал с японцами и числился в черных списках США, получил греческое подданство. Рейзен прибыл в Грецию из Шанхая три месяца назад и вел переговоры с министром авиации относительно основания “греческой” авиационной компании, а также совещался с министрами Гонатасом и Мавромихалисом. Хотя греческое министерство иностранных дел имело сведения о том, что Рейзен сотрудничал с японцами, оно в течение десяти дней выдало ему служебный заграничный паспорт, после чего Рейзен выехал в Соединенные Штаты в роли экономического советника правительства» [13].

⁸ В. Сосинский называл его «зарубежным Ираклием Андрониковым» и в своих воспоминаниях рассказывал, что он «удивительно точно» изображал супружескую пару А. Гингера и А. Присманову [34, с. 194].

и незаурядный, он оказался запечатлен в литературных текстах своих друзей по поколению: Ант. Ладинский посвятил ему стихотворение «Средь приключений и романов...» (Воля России. 1929. № 5/6. С. 36), а В. Варшавский, под фамилией Рагдаев, вывел Рейзини в своей прозе⁹.

Об отношениях Шестова и Рейзини почти ничего неизвестно, тем интересней появление последнего в письме Льва Исааковича сестре Лизе в Палестину, датированном 22 декабря 1932 г. Многоликий Рейзини упомянут в нем как служащий какого-то кинематографического учреждения, отправляющийся по его заданию в средиземноморские страны и веси:

Вчера был у меня мой долголетний слушатель Наум Григорьевич Резини <sic!> и сказал мне, что кинематографическое учреждение, в котором он служит, посылает его по делам в Рим, Александрию и Палестину и что он приблизительно к середине или концу января рассчитывает быть в Tel Aviv'e. Я его просил, и он обещал мне побывать у вас. Он сможет тебе рассказать разные подробности о нашем житье-бытье, о котором в письмах, конечно, не расскажешь. А на обратном пути — от вас к нам — они для нас рассказ о вашей жизни приготовит [12, с. 500–501].

Добрался ли Рейзини до Палестины, выполнил ли поручение Шестова, мы не знаем. Однако крайне интригующа сама по себе биографика этих связей и коммуникаций между философом и его слушателями, без знания которой едва ли возможно полноценное, адекватное и детальное описание морфологии умственной жизни молодого эмигрантского поколения.

Однако вернемся к «завитой вше».

Разгадку ее идентификации содержит сопоставление кнутовской стихотворной шутки с дневниковой записью Бориса Поплавского, сделанной 24 марта 1929 г.¹⁰, накануне своего доклада «Поэзия как мистический опыт», прочитанного в рамках организованного Со-

⁹ Касаясь рассказа «Отрывок», в котором тот появляется у В. Варшавского впервые, Г. Адамович, близко друживший с Рейзини, писал Ю. Иваску 7 июля 1954 г.: «Мне жаль только, что Варшавский вывел с презрением и злобой человека, который этого не заслужил. Портретность очевидна с первого слова» [35, с. 424].

¹⁰ У Поплавского, еще одного поэта-пересмешника, у которого комическая струя гораздо острее, чем у Кнута, соединена с трагическим и ассиметричным бытием, временными несовпадениями, отставаниями и опережениями, эта запись датирована так: «24.III.29, т. е. 23 марта». По смыслу она, конечно, должна предшествовать выступлению, а не являться по его завершению.

юзом молодых русских поэтов и писателей литературного вечера, проходившего 23 марта 1929 г., Поплавский замечает, что его сегодняшний вечерний доклад «вовсе не беспокоит. На Гингере народу было мало-мало, но тем не менее хвалили. После мне Надя в Ротонде понравилась:

Прозвала Яновского “Завитой вшой”» [6, с. 57].

Итак, «завитая вша» — это Василий Семенович Яновский (1906–1989), автор широко известных мемуаров «Поля Елисейские» (1983), написанных не без ехидной, а временами и просто язвительной интонации. Как видим, одно из их будущих действующих лиц, Кнут, в долгу тоже не остается, повторяя небезобидное прозвище, запущенное в адрес обладателя кучерявой шевелюры Яновского, за которой тот следил с ревностным куаферским тщанием.

Наведение друг на друга двух зеркал — кнутовского стихотворного рассказа о смущении чувств, испытываемых профаном, попавшим на философский пир, и дневниковой записи Поплавского — создает взаимообъясняющий эффект: названная у Поплавского только по имени Надя приобретает у Кнута осязаемую фамильную конкретизацию: под стихами указано: Н. Городецкая. Таким образом, выясняется то, о чем Поплавский не договорил в своем дневнике: этой кличкой Яновский обязан широко известной в эмигрантской среде писательнице Надежде Даниловне Городецкой (1901–1985).

2. Кто вы, мистер Фохт? В ближайших друзьях Н.Д. Городецкой ходил литератор, журналист, переводчик и церковный деятель Всеволод Борисович Фохт (1895–1941). Именно через Н. Городецкую, духовную воспитанницу о. Льва (Père Louis Gillet; 1893–1980), бывшего французского иеромонаха, ставшего православным священником, Фохт, еврей по крови, пришел к христианской вере¹¹. Он становится одним из прихожан о. Льва, получившего в ноябре 1928 г. первый в Париже французский православный приход св. Женевьевы. Вместе с Фохтом Городецкая привела туда их общего близкого приятеля, французского журналиста Марселя Пеги (Marcel Péguy; 1898–1972), сына поэта Шарля Пеги, издателя журнала “Cahiers de la quinzaine”, где печатались стенограммы встреч, проводившихся в рамках упомянутой в связи с Н. Рейзини “Studio Franko-Russe”. Другой конвертировавшийся в православие еврей-эмигрант, писатель и литературный критик Юрий Фельзен (собств. Николай Берн-

¹¹ Подробная биография о. Льва изложена в кн.: [10]. Фохт в ней также упомянут как его прихожанин [10, р. 217–218].

гардович Фрейденштейн; 1894–1943), следующим образом рисовал портрет архимандрита Gillet:

У него благородная внешность, тонкие черты лица, в голосе и манере говорить что-то убежденное, вдумчивое и серьезное. Кроме того, у него редкое для оратора свойство — желание не спорить, не полемизировать, а беседовать и по дружески высказывать свое мнение. И немного найдется русских, которые так знают и любят Достоевского и Толстого, как этот необыкновенно доброжелательный французский православный священник [38, с. 3].

Несколько более развернутой о Вс. Фохте.

Своим отчеством и фамилией Всеволод Борисович был обязан усыновившему его философу, логику и переводчику Борису Александровичу Фохту (1875–1946), женившемуся в 1901 г. на его матери — пианистке Раисе Марковне Меерсон (в 1-м замужестве Сударской; 1869–?). В 12-ти летнем возрасте он покинул Россию, поскольку его мать, по выражению А. Белого, «водившаяся с эсерами» [18, с. 504], была вынуждена эмигрировать с сыном за границу, и вернулись они только через несколько лет. Окончив ускоренные офицерские курсы Тверского кавалерийского училища¹², Фохт был произведен в прапорщики (1915) и в составе 14-го гусарского Митавского полка отправлен на фронт, где дослужился до чина штабс-ротмистра; позднее служил в русском экспедиционном корпусе на Македонском фронте (1916); был начальником команды конных разведчиков при 2-й Особой бригаде ген. М.К. Дитерихса, затем ротмистром 4-го Особого пехотного полка на французском фронте (1917–1918)¹³. По окончании Первой мировой войны в Россию Фохт не вернулся и остался в Париже. В 1920 г. он был аккредитован французами как офицер связи во время эвакуации армии генерала Врангеля [44]. В совершенстве владея французским языком, Фохт в течение долгих лет являлся постоянным сотрудником газеты “L’Intransigeant” (подписывая свои статьи и корреспонденции именем Wsevolod de Vogt), а также печатался как литературный критик в целом ряде французских газет и журналов. В это время происходит его сближение с В. Ходасевичем и вступление в литературное объединение писа-

¹² А не знаменитое Николаевское кавалерийское, как на это ошибочно указано в [4, с. 429].

¹³ О своей военной одиссее Фохт рассказал в воспоминаниях, напечатанных позднее, см. [39].

телей и поэтов-изгнанников «Кочевье». В конце 1920 х гг., как было сказано выше, он превратился в верующего христианина и, испытав тайное прикосновение к «ключам веры», решил совершить паломничество на Ближний Восток. В 1934 г. Фохт покинул Париж, куда уже больше никогда не возвращался. Добравшись до Дамаска, принял там монашество, получил имя о. Гавриила и с 1934 по 1936 гг. был секретарем Антиохийского патриарха Александра III. В письме к Н. Берберовой от 20 декабря 1935 г. В. Ходасевич, до которого дошли слухи о Фохте-монахе и его фотография (или, что вероятней, тот сам ее прислал бывшему другу-наставнику), писал:

Что ты пропал — Бог с тобой, главное — приняла на роман, двинь хорошенько, как Фохт, который — монахом во Святом Граде Иерусалиме. У него (у Фохта, а не у Иерусалима) — борода, я фотографию видел [31, с. 304].

После этого Фохт был пострижен на Афоне в великую схиму в русской келии преподобного Саввы Освященного при Пантократорском монастыре. В конце октября 1936 г. он оказался в Сербии и, по всей видимости, в 1938 г. в качестве православного монаха появился в Иерусалиме¹⁴. На фоне всего этого довольно забавно звучит утверждение, будто бы Фохт, находясь в Дамаске, принял католичество [40, с. 451].

Живя в Сирии и Палестине, Фохт не терял связи ни с о. Львом, ни с Н. Городецкой и продолжал, по-видимому, переписываться с ними. Кроме этого, уже в ранге священнослужителя Восточной православной церкви в Дамаске, он встречался в 1935 г. с о. Львом, куда тот совершил паломничество [10, р. 267–268].

Нам мало что известно об отношениях Кнута и Фохта. В героические времена молодой зарубежной литературы (пользуясь слегка измененным кнотовским определением¹⁵) Фохт проявил себя на творческом поприще: вместе с Кнутом, Н. Берберовой и Ю. Терапиано редактировал журнал «Новый дом» (1926–1927; вышло 3 книжки; последняя — без Берберовой). По всей видимости, именно он занимался в журнале административно-финансовыми вопросами — добыванием денег на издание, выплатой авторских гонораров и пр. Это отчетливо ощутимо, скажем, в письмах З. Гиппиус к В. Ходасе-

¹⁴ Подробно об этом периоде его жизни см. [3, S. 159–214].

¹⁵ У Д. Кнута: «То были героические времена молодой зарубежной поэзии» [25].

вичу, где она касается «прозаической» темы финансирования журнала. Ср. в письме от 31 сентября 1927 г.:

Ваше письмо, в некотором смысле, было для меня не карканьем, а райским пеньем. Не удивляйтесь: люблю, обожаю «открытые глаза» в той же мере, в какой боюсь доверчиво-открытого рта со слюнявым самобаюканьем. Ведь тут то же (почти), что: «у нас уже есть 125 тыс<яч>, только добыть еще 75, и...» Три месяца эти тысячи «были». На четвертый я, устав, спрашиваю: да где они? «А... э... да они... да Фохт обещал... т.е. сказал... ему обещали...» [19, с. 80].

О том же свидетельствует и письмо самого В. Ходасевича к Н. Берберовой, написанное за несколько месяцев до гиппиусовского, 11 апреля 1927 г.:

Фохт обещает дать 400–450 фр<анков> в четверг, в 5 часов, божится, что примет «все меры», но мне не нравится, что он должен прибегать к «мерам». Однако, думаю, что действительно даст. (Тьфу, тьфу, тьфу!) Рукопись у меня. — Кажется, он подрабочаровался в Мережловине¹⁶, и в нем ходят разные эдакие мысли. Посмотрим, что будет дальше [31, с. 239].

См. еще письмо З. Гиппиус к Г. Адамовичу от 12 августа 1927 г. — о фактическом завершении «Нового дома», о наследовании его «Новым кораблем» и продолжающем упорствовать Фохте:

А конкретно и житейски — один был «враг» у «Н<ового> д<ома>»: Фохт. Да он, бедный, и самому себе враг. Представьте, он еще хорохорится и требует «выкупа» «Зеленой лампы», которая, будто бы, «монопольно принадлежит “Нов<ому> дому”, а не “Кораблю”». По-моему, она больше принадлежит вам (совокупно со мной, Ход<асевичу> и Цетлиным), нежели Фохту. А он грозит, что он один будет продолжать «Дом», куда возьмет всю «Лампу». Впрочем, грозит как-то бессильно, и где уж со столькими женами журнал издавать! Да еще «идеологический», как он гордо подчеркивает. Хорошо, что «Корабль» о своей «идейности» объявлять не намеревается en toutes lettres <в полном объеме> [43, р. 364].

¹⁶ Шутливое объединение в одном имени Д. Мережковского, З. Гиппиус и их литературного секретаря В. Злобина.

То, что именно Фохт выступал издателем «Нового дома», вытекает также из следующей мемуарной реплики Ю. Терапиано

В 1927 году, после неудачной попытки поэта Всеволода Фохта издавать журнал молодых «Новый дом», мне вместе с поэтом Львом Евгеньевичем Энгельгардтом удалось достать средства на издание такого же журнальчика размером в четыре печатных листа большого формата <имеется в виду «Новый корабль». — В. Х. > [36, с. 99].

На этом фоне — издательско-коммерческих инициатив Фохта, который, очевидно, рассматривал себя не только как один из авторов или редакторов «Нового дома», но и его патроном, — небеспричинно предположить, что обладавший коммерческой жилкой Кнут был также не против проявить себя на ниве издательского бизнеса и посему мог испытывать к Фохту ревностное чувство соперничества. Во всяком случае, такой вывод напрашивается, когда читаешь его полуиронический реквием по почившему в бозе «Новому дому». Имя Фохта образует в этом кнотовском незатейливом рукоделии композиционную рамку, служа дублером горьковато-досадливого вздоха:

В каждом деле есть подвох —
Всеволод Борисыч Фохт,
Всем он, кажется, неплох
От макушки и до ног.

В каждом деле есть изъян.
Как еврей средь молдован
Иль орел средь обезьян,
Сотни трезвых — один пьян.

В каждом деле есть расчет,
Смысл, цель, самоотчет,
Древо снизу вверх растет,
Никогда — наоборот.

Рухнул дом. Погашен свет,
Пахнет гарью на весь свет.
Кто виновник этих бед?
Правых нет и грешных нет.

Кто вы, кто вы, мистер Фохт —
 Маг, кудесник, скоморох?
 Подстрекатель мелких склок?
 Или же всесильный Бог?
 Автор этих бедных строк
 Разгадать сие не смог.

В каждом деле есть подвох.
 Всеволод Борисыч Фохт,
 Всем он, кажется, хорош —
 От картуза до подошв.

3. «Угрюмый поэт» Ант. Ладинский и автор эмблемы «летающий верблюд». Отношения Кнута и Ант. Ладинского, как можно судить по дневнику последнего, отличались глухой пикировкой. См., к примеру, дневниковую запись от 5 декабря 1935 г. о Кнуте, который на заседании парижского литературно-философского объединения «Круг», на котором дебатировался вопрос о христианском отношении к смерти и воскресению, по-видимому, не без известного ерничества любопытствовал относительно внешнего вида воскресаемых. Ант. Ладинский записывает:

В прошлый понедельник Мочульский прочел доклад «Христианство и мир»: православие не отвергает мира, а приемлет его. Доклад в стиле сияющего православия с воскресением мертвых и т.п. Кнут спросил: какие будут тела у воскресших? Вопрос, конечно, глупый, и мне показалось, не без судейского ехидства. Очень ему попало от новообращенных, п<отому> ч<то> многие из присутствующих евреев — христиане по убеждениям [29, с. 135].

В своем роде в «рифму» Ладинскому звучит то, что Кнут, склонный к фиксации на бумаге мимолетных мыслей или мемуарных наплывов, как-то отметил на отдельном листке:

В «Круге» я был «единств<енным> евреем», в то время к<а>к там было немало обрезанных¹⁷.

¹⁷ Эта запись сделана на почтовой бумаге еженедельника «Affirmation», который Кнут и его жена Ариадна Скрябина издавали в Париже 1939 г. и, скорее всего, относится к 50-м гг., т. е. ко времени, когда Кнут жил в Израиле и для такого рода беглых записей нередко использовал бланки «Affirmation», по-видимому, в изобилии сохранившиеся с довоенной поры.

Среди черновых записей Кнута имеется следующий опыт, свидетельствующий о небезъязвительном отношении автора к Ладинскому, получившему у него прозвище «угрюмого поэта»:

И в назначенный день, как предписано было заветом,
К месту сбора отправились все как один,
Каждый с парой своей, кто — какую нашел и наметил,
Лишь без пары явился угрюмый поэт Антонин.

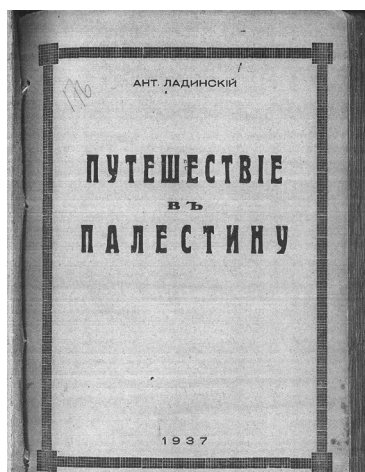
И сказал ему Ной: «Ты стихи свои пишешь опрятно
И искусно умеешь зубцы острых рифм точить,
Но когда наш Ковчег приближаться начнет к Арарату,
Как на твердую землю ты сможешь без пары ступить?»

Мне сомнительно, брат, что суровой избежнешь ты кары,
В край спасенных надежд нам указанным курсом плывя,
Почему же, поэт, на Ковчег ты явился без пары?
Объясни мне скорей: где скрывается пара твоя?»

Говоря это, Ной становился грознее и строже,
Но с решительным видом ответил ему Антонин:
«Настоящий поэт может с кем-то делить свое ложе,
Но с ладьей стихотворной он должен справляться один».

...Над простором морским занималось роскошное утро,
И крылатый верблюд проплывал высоко в облаках,
Только бедный поэт, что в ладье одинокой и утлой,
Одиноко качался на допотопных волнах.

Не беремся ответить на вопрос, что послужило поводом для написания этой травестийной эскапады. Возможно, она была как то связана с затеваемым Кнута журналом «Арарат», в перечне потенциальных авторов которого среди многих других числился Ладинский, не предоставивший, предположим, к сроку обещанный текст («явившийся к комплектуемому Ноевому Ковчегу без пары=музы») или как-то еще выразивший свое предпочтение плавать на индивидуальной ладье (отметим разумеющуюся для Кнута анаграмматическую связь ЛАДЬИ и ЛАДИНСКОГО). Факт остается фактом: похоже, что кнотовский иронический перепев библейского сюжета использован для «сведения счетов» с одним из его современников и товарищей по творческому цеху.

Илл. 2. Обложка книги Ант. Ладинского «Путешествие в Палестину» (София, 1937)¹⁹.

Илл. 3. Иерусалимский Храм (рисунок Ант. Ладинского, 1936) — с подчеркнутой стилизацией «детского примитивизма».

Следует отметить, что Ладинский дал в Палестине несколько творческих вечеров, одним из свидетельств чему является сохранившийся флаер с текстом на двух языках — русском и иврите, в котором сообщалось о его выступлении в Тель-Авиве 7 июля 1936 г.:

Во вторник, 7 июля с.г., ровно в 8½ часов веч<ера> в зале им. «Яши Хейфеца», на ул. Алленби 92, состоится вечер известного поэта, сотрудника «Последних новостей» и «Современных записок»

АНТ. ЛАДИНСКОГО.

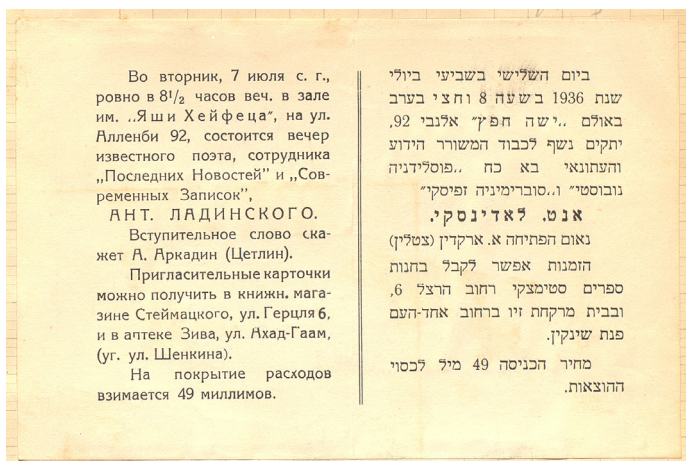
Вступительное слово скажет А. Аркадин (Цетлин).

Пригласительные карточки можно получить в книжн<ом> магазине Стеймацкого

ул. Герцля 6, и в аптеке Зива, ул. Ахад-Гаам, (уг<ол> ул. Шенкина).

На покрытие расходов взимается 49 миллимов.

¹⁹ См. сохранившийся в бумагах Ладинского его рисунок Иерусалимского Храма (илл. 3).

Илл. 4. Флаер-объявление (на русском языке и иврите) о вечере Ант. Ладинского в Тель-Авиве 7 июля 1936 г.

Кроме того, Ладинский познакомился в Палестине с некоторыми из представителей местной русскоязычной творческой интеллигенции — теми, кто в 1949 г. после переселения Кнута в Израиль навсегда, войдет в его приятельский круг. Один из них — упомянутый в приведенном объявлении о вечере, автор вступительного слова, поэт и журналист А. Аркадин (собств. Ицхак Цейтлин; 1901–1988), живший в Палестине, однако напечатавший некоторые из своих книг в русских эмигрантских издательствах в Европе [14; 17; 41] и, соответственно, вызвавший своей склонностью к несколько платкату поэтическому слогу критический огонь беспощадных рецензентов, среди которых был и В. Сирин (Набоков) [32]. Из его корреспонденций в «Последних новостях» русская диаспора черпала сведения о жизни в Эрец-Исраэль в 30-е гг.: скажем, о пушкинских торжествах на Святой земле в дни 100-летнего юбилея поэта [16]²⁰ или о строительстве тель-авивского морского порта [15].

Другой палестинский знакомый Ладинского — журналист и организатор международных торгово-промышленных восточных

²⁰ См., к примеру, письмо Василия Кандинского от 4 мая 1937 г. жившему в Тель-Авиве историку философии, культурологу и музыкальному педагогу Евсею Шору, в котором он пишет о том, что именно из этого очерка Аркадина узнал о шоровской лекции «Пушкин и классицизм» (письмо приведено: [20, с. 537–539]).

ярмарок в Тель-Авиве, уроженец Петербурга Александр Эммануилович Евзеров (в Палестине/Израиле Алекс Эйзер; 1895—1974)²¹, который придумал для этих ярмарок выразительную эмблему — «летающий верблюд», помянутый Кнутом в последней строфе (глава в книге Ладинского, эти ярмарки описывающая, так и называется: «Летающий верблюд»). Уместно отметить его предположительное сотрудничество в русской эмигрантской печати, пусть и эпизодическое. В неопубликованной части дневника Кнута²² имеется запись его разговора с Евзеровым, относящегося к осени 1937 г., когда первый посетил Палестину. В ходе разговора Кнут поинтересовался у своего собеседника, почему тот не печатается хотя бы как критик-рецензент, в ответ Евзеров выразил свою полную готовность и просил поспособствовать ему в этом. Кнут пообещал рекомендовать его «кому надо» и, судя по всему, слово свое сдержал. В № 11 журнала «Русские записки» за 1938 г. имеется рецензия на книгу англичанки E. Monroe “The Mediterranean in Politics” (London, 1938), посвященная политике Великобритании в Средиземноморском регионе, где среди других стран — Сирия, Турция, Греция, Кипр и пр. — целая глава была уделена Палестине. Поскольку рецензия подписана не полным именем, а только инициалами Ал. Э., нет полной уверенности, что она однозначно принадлежит Евзерову. И вместе с тем нельзя исключать именно его авторства.

Евзеров-Эйзер, который сочетал в себе многие и разные таланты, беззаветно любил русскую литературу и собрал огромную библиотеку русской поэзии, равной которой в 30–70-е гг. минувшего века не было, по всей видимости, на всем Ближнем Востоке. Как всякий книголюб, он баловался стихами, хотя написанное им носило откровенно любительский характер и, к счастью для ценителей подлинной поэзии, осталось неопубликованным. Впрочем, и публиковаться на русском языке в тогдашней Палестине было особенно негде. Вот почему некоторые его стихотворные строки избрали для собственной презентации довольно-таки экзотическую площадку — они написаны на обложках или титульных листах чужих поэтических сборников. Так, один из его сионистских перлов, то, что принято называть «стихами по случаю», обращенный к неразгаданной (или неразгаданному) нами Ф.А., он оставил на обложке «Насущной любви» Кнута (Париж, 1938), как бы мотивируя столь странный выбор своего стихового «перформанса» цитатной скрепой с поэзией автора сборника:

²¹ См. о нем [7, с. 372–374].

²² Опубликованную его часть см. [1].

Ф.А.

Вы плачетесь, что тень свинцового крыла
Легла на круг земного прозябания.
Что много солнца здесь, но нету здесь тепла,
И даже друг — не близкий здесь, а дальний...

Вы плачетесь — в стихах так плакался и Кнут²³ —
Что здесь не получить нигде в аптеке
Ту каплю нежности, тот крошечный уют,
Без коих тускло, душно человеку²⁴.

Но вспомните, как здесь, в стране, за каждый шаг,
У скал, песка и у пустыни взятый,
Платили кровью, лихорадкою дыша.
Так нежности где взять же нам, азиатам...

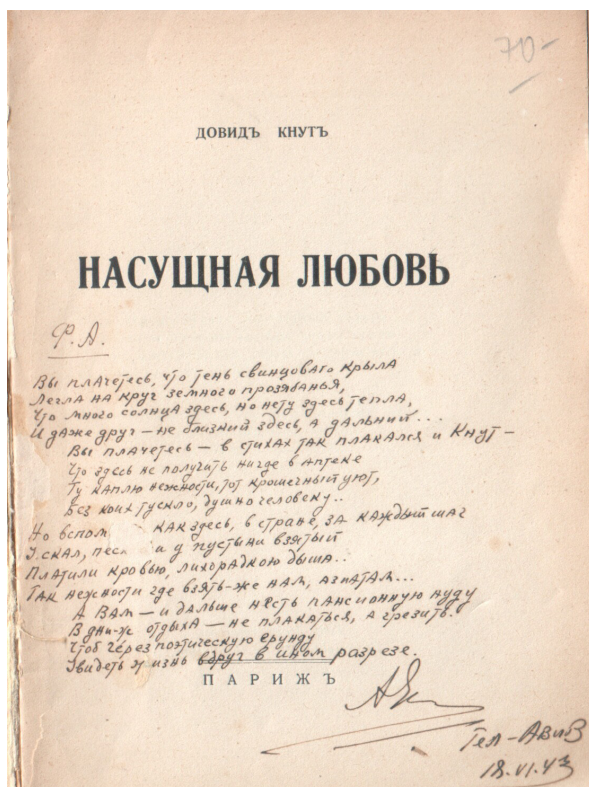
А Вам — и дальше несть пансионную нуду,
В дни ж отдыха — не плакаться, а грезить,
Чтоб через поэтическую ерунду
Увидеть жизнь в ином разрезе²⁵.

А. Евзеров
Тель-Авив
18.VI.<19>43

²³ Данная строчка наводит на мысль, что Евзерову, имевшему регулярные контакты с «русским Парижем», могло быть известно эпиграмматическое стихотворение З. Гиппиус «Стихотворный вечер в “Зеленой лампе”», вписанное в т. н. «Перекресточную тетрадь», заведенную в литературном объединении «Перекресток», каковая, по словам Ю. Терапиано, одного из позднейших летописцев той эпохи, «стала источником общего веселья» [36, с. 105]. Ю. Терапиано опубликовал гиппиусовское стихотворение, в котором была такая строфа — «Словно отрок древне-еврейский, / Заплакал стихом библейский / И плачет и плачет Кнут...» [36, с. 107], на десять лет позднее, чем Евзеров, указал на плачущего в стихах Кнута, однако вовсе не исключено, что автору стихотворных высказываний на обложках книг любимых и почитаемых им поэтов оно было известно по бытованию в изустной народной молве.

²⁴ Ср. в 1-й части цикла Кнута «Диалоги», вошедшего в сборник «Насущная любовь»: « — Порою меньше малой малости / Дешевле всех врачей и всех аптек): / Две капли нежности, щепотку жалости — / И вот расцвел засохший человек».

²⁵ Цитата из стихотворения В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926).

Илл. 5. Обложка сборника Д. Кнута «Насущная любовь» (1938) со стихотворным экспромтом А. Евзерова-Эйсера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. «Некая бухгалтерия жизни»: (Дневник Довида Кнута, 1934–1937) / публ., подг. текста, прим. В. Хазана // Новый журнал. 2014. № 274. С. 157–211.
2. Нецензурный Бунин: Стихотворные пародии конца 1940-х годов / вступит. статья, подг. текста и коммент. Е.Р. Пономарева // И.А. Бунин. Новые материалы. М.: Русский путь, 2010. Вып. 2. С. 479–500.

3. От франко-русской студии в Париже до монашества в Иерусалиме: Несколько штрихов к судьбе Вс. Фохта (о. Гавриила) / публ., подг. текста, вступит. заметка и коммент. В. Хазана // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Nene Folge) / hrsg. von S.M. Newerkla & F.B. Poljakov. 2019. № 7. S. 159–214. DOI: 10.13173/wienschlavjahr.7.2019.0159
4. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: в 3 т. / под ред. Л.А. Мнухина. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 3. 757 с.
5. Хазан В. Вокруг Александра Гингера и Довида Кнута (Три архивные заметки о русской парижской поэзии) // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 531–539.
6. Хазан В. До и после бала: Литературная организация на фоне литературного быта (Из архива Бориса Поплавского) // Метрополия и дисспора: Литературные объединения 1920–1930-х годов в СССР и Русском зарубежье (VI Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века», Москва, 25–26 марта 2015). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2016. С. 47–68.
7. Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2001. 431 с.
8. Хазан В. Расстояние разлуки: Осип Мандельштам и литература русской эмиграции // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 363–387.
9. Хазан В.И. «Укусы своры верных»: Два сюжета о стихотворных пародиях и эпиграммах в эмигрантской поэзии (А. Гингер, А. Присманова, Д. Кнут и др.) // Homo liber: Сборник памяти Л.Г. Фризмана / ред.-сост. П.С. Глушаков, Д.С. Бурого. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2020. С. 390–432.
10. Behr-Sigel E. Lev Gillet, “un moine de l’Église d’Orient”: Un libre croyant universaliste, évangélique et mystique. Paris: Les Éditions du Cerf, 1993. 637 p.
11. Le Studio Franco-Russe. 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak, sous la redaction de G. Tassis. Toronto: The University of Toronto, 2005. 623 p.
12. Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 2: “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936 / comp. and comm. by V. Khazan, V. Janzen, introd. by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 1008 p. (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. I (2)).

Источники

13. Авантюрист Николай Рейзен // Русские новости. 1946. 29 нояб. № 81. С. 2.
14. Аркадин А. <Цейтлин И.> Настроения: Стихи. Брюссель: Зарницы, 1934. 76 с.
15. Аркадин А. <Цейтлин И.> Капитан Боевский (Письмо из Тель-Авива) // Последние новости. 1937. 6 июня. № 5916. С. 4.
16. Аркадин А. <Цейтлин И.> Пушкинские торжества в Палестине (Письмо из Тель-Авива) // Последние новости. 1937. 10 апр. № 5860. С. 2.
17. Аркадин А. <Цейтлин И.> Современные колокола: Стихотворения. Брюссель: Зарницы, 1927. 30 с.
18. Белый А. Начало века. М.: Худ. лит., 1990. 687 с.
19. Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 с.
20. «...Еврейская Палестина нужна, б<ыть> м<ожет>, всему миру, ждущему новое слово» (Три историко-культурных сюжета на тему «Палестина / Израиль в европейском / мировом контексте» / сост., публ. и вступ. ст. В. Хазана // Семантизация — концептуализация — смысл: Сборник в честь 80-летия проф. Е. Фарыно / под ред. Р. Бобрыка, С. Гончарова. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. F. Karpińskiego, 2021. С. 502–546.
21. Ки-Ра <Верховской К.А.> Ирина Одоевцева рассказывает о себе и о Париже // Сегодня вечером (Рига). 1932. 9 июня. (№ 127). С. 3.
22. Кнут Д. <Автобиографическая заметка> // Меч. 1934. № 3/4. С. 19.
23. Кнут Д. Альбом путешественника // Русские записки. 1938. № 5. С. 91–108; № 7. С. 113–125.
24. Кнут Д. Нечаянный репортаж // Последние новости, 1935. 18 авг. № 5260. С. 6.
25. Кнут Д. Русский Монпарнас // Последние новости. 1927. 1 дек. № 2444. С. 3
26. Кнут Д. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и комм. В. Хазана. The Hebrew University of Jerusalem, 1998. Т. 2. 719 с.
27. Ладинский Ант. Путешествие в Палестину. Таллинн: Русская книга, 1937. 140 с.
28. Ладинский Ант. Путешествие в Палестину. София: Типогр. Рахвира, 1937. 140 с.
29. Ладинский А.П. Дневник 1932–1939 годов. Моя жизнь в Германии. Парижские воспоминания / отв. ред. М.Л. Спивак; сост., вступ. ст. О.А. Коростелева; подгот. текста О.А. Коростелева, В.А. Резвого, А.И. Серкова; коммент. О.А. Коростелева, А.И. Серкова. М.: ИМЛИ РАН; Изд-во Дми-

- трий Сечин, 2021. 480 с. (Серия: Библиотека «Литературного наследства». Вып. 6).
30. Несчастный случай с Д. Кнудом // Последние новости, 1935. 15 янв. № 5042. С. 3.
 31. Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / публ. Дэвида Бетеа // Минувшее: исторический альманах. Paris: Atheneum, 1988. Вып. 5. С. 228–327.
 32. *Сирин В.* <Набоков В.>. Новые поэты // Руль. 1927. 31 авг. № 2053. С. 4.
 33. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. 1152 с.
 34. *Сосинский В.* Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) / публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 167–207.
 35. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2003. Вып. 5. С. 402–557.
 36. *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 206 с.
 37. *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987. 352 с.
 38. *Фельзен Ю.* Парижские встречи русских и французских писателей // Сегодня. 1930. 12 сент. № 252. С. 3.
 39. *Фохт В.* Русские войска во Франции и Македонии: Из личных воспоминаний // Возрождение. 1930. 24 сент. (№ 1940). С. 2–3; 26 сент. № 1942. С. 2, 5; 2 окт. № 1948. С. 2; 4 окт. № 1950. С. 3, 5; 11 окт. № 1957. С. 3, 4; 15 окт. № 1961. С. 2–3; 18 окт. № 1964. С. 3; 1 нояб. № 1978. С. 3, 4; 7 нояб. № 1984. С. 3, 5.
 40. *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подг. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Элиис Лак, 2002. 480 с.
 41. *Цейтлин И.* Рассказы. Берлин: Изд-во Г.Л. Рогова, 1924. 69 с.
 42. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.
 43. *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 784 p.
 44. *Vogt W. de.* L'Exil de l'armée russe // Cahiers Mil Neuf Cent Vingt Neuf, no. 3, série 2, décembre.

REFERENCES

1. “‘Nekaia bukhgalteriiia zhizni’: (Dnevnik Dovid Knuta, 1934–1937)” [“‘A Kind of Bookkeeping of Life’: (Diary of Dovid Knut, 1934–1937)”],

- publ. and ed. by V. Khazan. *Novyi zhurnal*, no. 274, 2014, pp. 157–211. (In Russian)
2. “Netsenzurnyi Bunin: Stikhotvornnye parodii kontsa 1940-kh godov [“Obscene Bunin: Poetic Parodies of the Late 1940s”], ed. and comment. by E.R. Ponomarev. *I.A. Bunin. Novye materialy* [I.A. Bunin. New Materials], vol. 2. Moscow, Russkii put’ Publ., 2010, pp. 479–500. (In Russian)
 3. “Ot franko-russkoi studii v Parizhe do monashestva v Ierusalime: Neskol’ko shtrikhov k sud’be Vs. Fokhta (o. Gavriila)” [“From the Franco-Russian Studio in Paris to Monasticism in Jerusalem: A Few Touches on the Fate of Vs. Fokht (Father Gabriel)”], publ., introd. and comment. by V. Khazana, ed. by S.M. Newerkla, F.B. Poliakov. *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Nene Folge)*, no. 7, 2019, pp. 159–214. DOI: 10.13173/wienschlavjahr.7.2019.0159 (In Russian)
 4. Mnukhin, L.A., editor. *Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii, 1919–2000: v 3 t.* [Russian Diaspora in France, 1919–2000: in 3 vols.], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2010. 757 p. (In Russian)
 5. Khazan, V. “Vokrug Aleksandra Gingera i Dovida Knuta (Tri arkhivnye zametki o russkoi parizhskoi poezii)” [“Around Alexander Ginger and Dovid Knut (Three Archival Notes on Russian Parisian Poetry)”]. *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana* [Vademecum: To the 65th Anniversary of Lazar Fleishman]. Moscow, Vodolei Publ., 2010, pp. 531–539. (In Russian)
 6. Khazan, V. “Do i posle bala: Literaturnaia organizatsiia na fone literaturnogo byta (Iz arkhiva Borisa Poplavskogo)” [“Before and after the Ball: Literary Organization against the Backdrop of Literary Life (From the Archive of Boris Poplavskii)”]. *Metropoliia i diaspora: Literaturnye ob’edineniia 1920–1930-kh godov v SSSR i Russkom zarubezh’e (VI Kul’turologicheskie chteniia “Russkaia emigratsiia XX veka”, Moskva, 25–26 marta 2015)* [Metropolis and Diaspora: Literary Associations of the 1920s–1930s in the USSR and the Russian Diaspora (VI Culturological Readings “Russian Emigration of the 20th Century”, Moscow, March 25–26, 2015)]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2016, pp. 47–68. (In Russian)
 7. Khazan, V. *Osobennyi evreisko-russkii vozdukh: K problematike i poetike rusko-evreiskogo literaturnogo dialoga v XX veke* [Special Jewish-Russian Air: On the Issues and Poetics of Russian-Jewish Literary Dialogue in the 20th Century]. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul’tury Publ., 2001. 431 p. (In Russian)
 8. Khazan, V. “Rasstoianie razluki: Osip Mandel’shtam i literatura russkoi emigratsii” [“Distance of Separation: Osip Mandel’shtam and the Literature of the Russian Emigration”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2011, pp. 363–387. (In Russian)
 9. Khazan, V.I. “Ukusy svory vernykh’: Dva siuzheta o stikhotvornnykh paro-

- diiakh i epigrammakh v emigrantskoi poezii (A. Ginger, A. Prismanova, D. Knut i dr.)” [“Bites of a Pack of the Faithful’: Two Plots about Poetic Parodies and Epigrams in Emigrant Poetry (A. Ginger, A. Prismanova, D. Knut, etc.)”]. *Homo liber: Sbornik pamiati L.G. Frizmana* [Collection of memory of L.G. Frizman], ed.-comp. P.S. Glushakov, D.S. Burago. Kiev, Izdatel’skii dom Dmitriia Burago Publ., 2020, pp. 390–432. (In Russian)
10. Behr-Sigel, E. *Lev Gillet, “un moine de l’Église d’Orient”: Un libre croyant universaliste, évangélique et mystique*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1993. 637 p. (In French)
 11. *Le Studio Franco-Russe. 1929–1931*, textes réunis et présentés par L. Livak, sous la redaction de G. Tassis. Toronto, The University of Toronto, 2005. 623 p. (In French)
 12. *Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 2: “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936*, comp. and comm. by V. Khazan, V. Janzen, introd. by V. Khazan. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 1008 p. (In English)

Дата поступления статьи: 12 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 июня 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: December 12, 2021

Approved: June 16, 2022

Date of publication: October 07, 2024